

- Господин Се? - увидев странное поведение Се Фучэня, застывшего на месте без движения и без конца бормочущего что-то себе под нос, сопровождавший его слуга окликнул его. Он ещё никогда не видел хозяина в таком глубоком смятении.

- А? Да, - лицо Се Фучэня было мёртвенно-бледным. Рука, опиравшаяся на повозку, непрерывно дрожала. Отягощённый мрачными мыслями, он сел внутрь.

Слуга взмахнул хлыстом, и они двинулись обратно в поместье Се. Оказавшись дома, Се Фучэнь, не отвлекаясь ни на что другое, в одиночестве прошёл в кабинет. Он отыскал ту самую книгу и принялся искать кольцо из травы.

Кольцо было на месте, оно не потерялось.

Прошло столько лет, а оно будто совсем не изменилось.

Поглаживая травяное кольцо, Се Фучэнь долго не мог заставить себя убрать его.

Теперь он понял абсолютно всё. Понял, в насколько опасном положении оказался и что замыслы его противника превосходят самые смелые ожидания.

Он осторожно спрятал кольцо в рукав, толкнул дверь и спросил у прислуги:

- Где А-Сюнь?

Слуги тут же позвали девушку.

Оставшись наедине с А-Сюнь в комнате, Се Фучэнь детально расспросил её о госпоже Сяо и А-Лай. А-Сюнь не понимала, почему он внезапно проявил такой интерес к этим двоим. Раньше он всегда был слишком занят и никогда не вмешивался в подобные дела. Ей не хотелось много говорить об этом, и она бросила лишь пару общих фраз. Однако Се Фучэнь не отступал. Он требовал раскрыть каждую деталь: и как именно госпожа Сяо попала в поместье Се, и как они обе впоследствии исчезли.

А-Сюнь со слов старших членов семьи знала лишь старые слухи о том, как госпожа Сяо когда-то искала убежища в доме Се, сошлась с её отцом и родила А-Лай. Что же касается того, почему А-Лай позже стала служить Вэй Тинсуй и превратилась в «Чжэнь Вэньцзюнь», у неё были лишь смутные догадки. В Нанья она подслушала разговор Се Суйшаня с А-Лай, но подробностей не ведала.

Однако Се Фучэнь ещё раньше узнал от Се Тайхана предысторию того, как А-Лай оказалась подле Вэй Тинсуй. Теперь, связав прошлое и настоящее воедино, он мысленно прокрутил в голове всё, что произошло за последние двадцать лет. Се Фучэнь горько усмехнулся и бессильно опустил на стул, низко склонив голову.

А-Сюнь не понимала, что с ним происходит и почему он вдруг впал в такое уныние.

- Пойди и позови Гэ Лю, - приказал Се Фучэнь.

А-Сюнь ушла, и в комнату вошёл Гэ Лю.

- Та госпожа Сяо, о которой ты говорил... где сейчас погребено её тело? - Се Фучэнь вертел в руках чайную пиалу, то приближая, то отдаляя её.

- Тело госпожи Сяо сгорело до углей. Останки уже сбросили в общую могилу, - ответил Гэ Лю.

- ...Отведи меня туда.

- Что? Господин Се, как вы можете идти в такое место?

Се Фучэнь даже не удостоил его ответом. С мрачным лицом он поднялся и направился к выходу. Гэ Лю ничего не оставалось, кроме как последовать за ним и поспешно приказать готовить повозку.

По пути к массовому захоронению Се Фучэнь расковырял себе ладонь у основания большого пальца до крови и до мяса искусал губы.

Значит, вот оно как... Вот оно как!

Пока он ехал в повозке, он перебрал в уме все события последних дней и наконец свёл всё воедино. Он никогда не недооценивал врагов, и даже зная, что против него стоит молодая девица, ни разу не проявил беспечности. И кто бы мог подумать, что споткнуться ему суждено именно на этом деле... Такого он решительно не мог предвидеть. Нет в мире яда страшнее, чем сердце коварной женщины - эта поговорка воистину не лгала.

До чумной ямы оставалось ещё добрых сто шагов, а в воздухе уже повис удушливый, бьющий в самое небо трупный смрад. Гэ Лю, брезгливо зажав нос, в нерешительности покосился на Се Фучэня. Но великий сыма без малейшего колебания размашистым шагом направился прямо вниз, в провал, и Гэ Лю ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

В эту братскую могилу свозили и сбрасывали тела всех тех, кого некому было опознать и забрать. Из-за непрекращающихся много дней дождей большинство трупов уже полностью сгнили и превратились в жуткое, кошмарное месиво. Это место по праву считалось самым зловещим и бесприютным во всех окрестностях Жунина. Се Фучэнь, не разбирая дороги, ступал прямо в грязную жижу, перемешанную с трупной гнилью, и принялся переворачивать и осматривать каждое тело. Чуть поодаль несколько костлявых, умиравших от голода диких псов, потревоженные шумом, замерли в нерешительности, не зная, стоит ли им подбежать.

- Господин Се... Да разве вам пристало находиться в таком жутком склепе? Позвольте я сам всё отыщу! - Гэ Лю подобрал толстую сухую ветку и с трудом принялся приподнимать тела. Се Фучэнь не проронил ни звука и не замедлил движений. Низко опустив голову, он продолжал собственными руками, труп за трупом, разгребать мертвецов.

«Я ни за что не оставлю тебя гнить в таком месте».

В этот предзимний час Се Фучэнь среди зловонной братской ямы взмок от пота до самых костей, непрестанно твердя про себя: «Ни за что!»

Спустя почти час изнурительных поисков они наконец наткнулись на несколько обугленных трупов. Тела были до неузнаваемости растерзаны и обглоданы бродячими псами.

- Похоже, это они, - Гэ Лю едва сдерживал рвотные позывы. Се Фучэнь же замер перед одним из женских трупов, безмолвно и замороженно вглядываясь в него. Тело полностью почернело от огня и было истоптано, в нём невозможно было угадать былые черты. Гэ Лю стоял с посиневшим от тошноты лицом, как вдруг, к его полнейшему шоку, Се Фучэнь крепко прижал этот жуткий труп к своей груди и безутешно, горько зарыдал.

- Го... господин Се... - Гэ Лю понятия не имел, какое безумие и горечь обуяли его господина. Сколько он ни пытался его утешить, всё было тщетно, и ему оставалось лишь молча стоять

подле него.

Выплакав всю душу, великий сыма мало-помалу пришёл в себя. К полнейшему изумлению слуги, он бережно поднял останки на руки, намереваясь везти их прямо в своё поместье.

Гэ Лю шёл следом, низко опустив голову, и в его разуме царило полное, беспросветное недоумение.

На обратном пути Се Фучэнь наотрез отказался расставаться с телом и втащил обгоревший труп прямо внутрь своей повозки. Гэ Лю правил конями, и от одной мысли о том, что сейчас творится за его спиной в экипаже, его прошибал холодный пот.

Эти останки провели в резиденции Се целую ночь. На следующий день Се Фучэнь распорядился уложить их в роскошный гроб, вытесанный из золотистого нанму (кипариса), засыпав тело бесчисленными драгоценными камнями, яшмой и уложив рядом длинный меч, который прежде неизменно украшал стену его личных покоев.

Ещё вчера, едва вернувшись в поместье, Гэ Лю в красках расписал странное поведение хозяина управляющему и нескольким слугам. Слухами земля полнится, и вскоре о безумии великого сыма знала уже вся резиденция. Поэтому сегодня, какие бы новые чудачества ни вытворял Се Фучэнь, слуги были к этому готовы и не выказывали удивления. А ведь стоило понимать, что подобный гроб из золотистого нанму полагался по статусу лишь при погребении прямых наследников главной ветви клана Се! Что уж говорить о баснословно дорогих камнях и том самом мече, который сыма ценил пуще зеницы ока и никому в мире не позволял даже коснуться.

Перед тем как крышка гроба окончательно затворилась, Се Фучэнь бережно извлёк из своего широкого рукава тот самый травяной оберег. Он долго, не моргая, всматривался в сплетённую из соломы птичью голову и лишь затем с невыразимой, щемящей тоской опустил амулет внутрь.

С вершины горы Ляосы в Жунине открывался потрясающий вид, позволявший созерцать как на ладони бесчисленные огни мирных городских домов.

Се Фучэнь похоронил этот гроб именно здесь, выбрав место между двумя высокими, величественными кипарисами.

На надгробии было начертано: «Могила покойной старой подруги А-Цюн». Се Фучэнь целый день просидел у этой крошечной, одинокой могилы, вглядываясь в эти шесть иероглифов. Он будто постарел на десять лет за одну ночь.

Но ему неизбежно нужно было уходить, впереди его ждало слишком много дел, и задерживаться здесь надолго он не мог, точь-в-точь как и много лет назад.

Когда пришло время собирать вещи в дорогу, Линби уложила для Чжэнь Вэньцзюнь пять-шесть разных одеяний, два только что сшитых ватных тулупа, меховую накидку из звериной шкуры и три пары обуви на разные времена года, а вдобавок ещё огромную кучу лечебных трав и защитный нагрудник хусиньцзин¹. Разве мог весь этот ворох вещей уместиться в один дорожный узел?

¹Хусиньцзин (кит. 护身符, hùxīnjìng) – это традиционная деталь доспеха, представляющая собой

металлическую пластину, которая крепилась на груди для защиты сердца

- Сестрица Линби, да перестань ты собирать, этого же слишком много! Я ведь на северные границы воевать еду, а не развлекаться. Мне ни к чему столько одежды, пары одеяний вполне хватит, - видя, что служанка без умолку продолжает паковать вещи и, кажется, спала и видела, как бы забить для неё целую телегу доверху, Чжэнь Вэньцзюнь поспешила её остановить.

- И что из этого ты называешь «много»? Да тут всего ничего! Ну-ка, ну-ка, иди сюда, примерь этот пояс, - Линби притянула её к себе и принялась объяснять, как правильно затягивать ремень. Это был особый, широкий пояс из телячьей кожи, способный защитить тело в бою и вдобавок на нём имелось несколько пазов, в которых можно было намертво зафиксировать кинжалы. Следом пошли армейские сапоги. Тёплые, дышащие, на толстой подошве, в которых было нипочём и в гору лезть, и броды переходить. А за ними шапка, шлем... Чжэнь Вэньцзюнь застыла посреди покоев, как манекен, пока Линби навешивала на неё вещь за вещь, проверяя, хорошо ли сидит. После долгой примерки оказалось, что абсолютно всё пришлось впору, а значит, забираем всё.

Сколько бы Чжэнь Вэньцзюнь ни пыталась её вразумить, всё было тщетно. Линби увязала целых пять огромных узлов и рассудила, что если развесить по одному на каждое плечо, ещё два взять в руки, а последний примотать к пояснице, то выйдет в самый раз.

В комнату въехала Вэй Тинсюй в сопровождении Сяохуа. Созерцая Чжэнь Вэньцзюнь в этом нелепом облачении, госпожа не выдержала и звонко рассмеялась, и даже у Сяохуа уголок рта нервно дёрнулся в подобии «насмешливой» гримасы.

- Ну ты погляди, сестрица Линби! Я же говорила, ну не нужно мне столько!

- Но ведь...

Чжэнь Вэньцзюнь бережно усадила Линби на стул, сгрузила все узлы на пол, а затем закатала рукав, демонстрируя ей железный наруч:

- Мне больше ничего не нужно, этого вполне достаточно! Посмотри, какая это мощная штука: любые мечи, копья и палки я могу отразить одним этим наручем!

Линби порывалась что-то возразить, но промолчала. Попыталась выдавить из себя подобие улыбки, но не смогла, и в финале её глаза вновь налились влажным блеском.

Видя Линби в таком состоянии, Чжэнь Вэньцзюнь совершенно растерялась. Она поспешно достала платок, принялась вытирать её слёзы и, опустившись перед ней на корточки, ласково промолвила:

- Сестрица Линби, ну что ты раз за разом плачешь, как заботливая старая матушка. Я ведь еду разить варваров, тебе радоваться надо и с песнями провожать меня в этот путь!

- «Разить варваров», легко сказать! Всей Великой Юй известно, насколько свирепы и беспощадны эти чунцзиньские дикари! Зачем тебе вообще... - Линби до безумия не хотела отпускать Чжэнь Вэньцзюнь. И пусть она долгие годы следовала за Вэй Тинсюй и прекрасно понимала, что её хозяйка затеяла великую игру ради возведения на престол женщины-императрицы, и не видела в этом ничего странного, однако в её устоявшихся представлениях поход на войну ради уничтожения врагов оставался исключительно мужским ремеслом.

- Тебе ведь всего семнадцать лет, за эти годы ты и так натерпелась ран. С твоей вечной

девичьей безалаберностью и несобранностью, где уж тут врагов крушить, ты ведь в обычной жизни без чужого присмотра даже постель за собой застелить не можешь! Как ты собираешься тягаться с варварами?

- ...Сестрица Линби, я ведь уже давно не трёхлетний ребёнок. Да, я терпеть не могу заправлять одеяла, но вот в том, что касается сокрушения врагов, я слабину не дам. К тому же у меня в этом походе есть куда более важное и неотложное дело, - твёрдо и непреклонно отчеканила Чжэнь Вэньцзюнь. Линби поняла, что спорить бесполезно, но на душе у неё по-прежнему было щемяще тоскливо. Сколько крепких, здоровых парней ежегодно угоняли на передовую северного фронта, и многие ли из них возвращались назад живыми? А те, кому везло выжить, в большинстве своём возвращались калеками без рук и ног. Ныне армия Чунцзиня наступала сокрушительной лавиной. Бои шли кровопролитные, и от одной мысли о том, в какое страшное пекло грядёт Чжэнь Вэньцзюнь, Линби прошибал холодный пот. Но кем она была? Обычной домашней служгой семьи Вэй, и раз уж сама Старшая Принцесса и госпожа дали своё согласие, по какому праву она могла бы высказать своё «против»?

- Линби, незачем так сильно убиваться. Сестрица Вэньцзюнь наделена редкой пронизательностью и умом, с ней ничего плохого не случится, - бережно утетила служанку Вэй Тинсюй.

Линби промолчала, лишь безучастно и тихо кивнув головой.

Выступить нужно было уже завтра, и сегодня ночью в поместье Вэй уложили пышный пир, чтобы проводить Чжэнь Вэньцзюнь в дорогу.

Вэньцзюнь ела без ограничений, сметая со стола все изысканные яства и доброе вино. Она прекрасно понимала, что бог весть, в каком году и каком месяце ей на северном фронте доведётся снова отведать сочного мяса. Вэй Лунь лично поднял за неё чарку, высказав массу напутствий и прося беречь себя. Семейство Чжансунь тоже явилось в полном составе, они по очереди подносили ей чаши, и Чжэнь Вэньцзюнь осушила одну за другой больше десяти порций, так что её лицо мало-помалу залил хмельной румянец.

- Пей поменьше, тебе завтра на рассвете в путь выступать, - не выдержав этого зрелища, оборвала веселье Вэй Тинсюй.

Слово Вэй Тинсюй в этом доме всегда имело колоссальный вес, и стоило ей заговорить, как никто больше не осмелился проявлять неуместную настойчивость и гости послушно разошлись по своим местам за низкими столиками. Шатаясь от хмеля, Чжэнь Вэньцзюнь тоже опустилась на циновку. Заметив, что у неё на уголке губ остались капли вина, Вэй Тинсюй бережно вытерла их платком.

Вэньцзюнь заворожённо смотрела на лицо Вэй Тинсюй. В её душе закружился яростный вихрь чувств, и она, не в силах сдержаться, крепко сжала её ладонь.

Взоры всех членов семьи Вэй и Чжансунь мгновенно приковались к их рукам. Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала, что её жест выглядит верхом непозволительной дерзости, однако выпускать пальцы госпожи ей до безумия не хотелось.

Одно дело - утешать Линби красивыми речами, и совсем другое - наедине с собой спросить собственное сердце.

Сумеет ли она вернуться оттуда живой? Это было трудно, невероятно трудно.

Быть может, ей больше никогда не суждено будет вернуться к Вэй Тинсюй и вот так же, как сегодня, упоительно пировать. Её судьба разительно отличалась от судеб обычных людей: с того самого мига, как она узрела портрет Вэй Тинсюй, её жизненный путь изменился бесповоротно. То, что она не сумела спасти матушку, было лишь виной её собственного бессилия, но к сегодняшнему дню она ни о чём не жалела.

Повстречать Вэй Тинсюй на дорогах этой жизни было величайшим, благословенным даром небес, а уж заслужить её ответную нежность и заботу тем более, и ради такого стоило прожить жизнь, не ведая раскаяния.

Она сжимала ладонь Вэй Тинсюй, и её обжигающий, пылкий взор неотрывно блуждал по её бровям, глазам, губам и тонким очертаниям носа.

- Сестрица, есть кое-что, о чём я до безумия хочу тебе сказать...

Чжэнь Вэньцзюнь жаждала открыть ей абсолютно всю правду: откуда берёт истоки их связь, как на всём этом долгом пути в её сердце крупица за крупицей крепла эта мучительная гамма чувств. Вся её нежность, благоговение и обожание мёртвым грузом давили на грудь, и Вэньцзюнь иступлённо желала, чтобы госпожа наконец обо всём узнала.

Но едва она приоткрыла рот, чтобы заговорить, как Вэй Тинсюй нежно прижала подушечку пальца к её губам, не позволяя продолжить.

- Не говори мне ничего сейчас, - в самой глубине глаз Вэй Тинсюй скользнула чистейшая, неприкрытая нежность и тоска, которую Чжэнь Вэньцзюнь успела безошибочно поймать.

- Расскажешь обо всём, когда благополучно вернёшься назад. К тому времени весь наш сад утонет в цветущих розах Пайхуай, мы откупорим вино, станем предаваться веселью и напьемся до беспамьятства. И вот тогда ты поведаешь мне обо всём, что сегодня роилось в твоих мыслях. Идёт?

В груди у Чжэнь Вэньцзюнь всё перевернулось от дикого трепета, и слёзы крупными каплями хлынули из её глаз.

- Идёт... Идёт. Сестрица, я обещаю... я клянусь, что во что бы то ни стало вернусь к тебе живой.

Небосвод сиял чистотой, луна лила мягкий свет, а звёзды были редкими. Верный знак, что завтрашний день обещал быть погожим и ясным.

Пиршество подошло к концу. Чжэнь Вэньцзюнь устроилась на самом краю крытой галереи, заворожённо созерцая лунный диск. Прохладный, леденящий ночной ветер приятно обдувал её лицо, и хмель уже почти полностью выветрился из головы.

Позади послышались тихие, мерные шаги. Вэньцзюнь поначалу рассудила, что это вернулась Линби, но стоило ей обернуться, как перед её взором предстала сама Вэй Тинсюй.

Опираясь ладонью о круглую, покрытую алым лаком колонну, барышня стояла позади неё... на собственных ногах.

- Сестрица, твои ноги...

Вэй Тинсюй мягко и безмятежно улыбнулась:

- Лишь благодаря тому, что ты изо дня в день усердно разминала и массировала моё тело, я снова могу стоять. Долгие прогулки мне пока не под силу, но бывшие раны уже почти полностью затянулись.

Чжэнь Вэньцзюнь преисполнилась дикой радости, которую, впрочем, в ту же секунду омрачила лёгкая, щемящая грусть, ведь это означало, что отныне Вэй Тинской больше не будет нуждаться в её руках и объятиях, чтобы передвигаться.

Вэй Тинской плавно опустилась на деревянный настил рядом с ней, разделяя с девушкой безмолвное созерцание луны.

Обе хранили священное молчание, лишь Чжэнь Вэньцзюнь постаралась выпрямить спину как можно ровнее и твёрже.

Вэй Тинской ласково склонила голову и прильнула щекой к её плечу.

- Тебе не нужно беспокоиться обо мне. Сосредоточься на своей задаче. Я... буду ждать твоего возвращения.

.....

Армия, отправляющаяся в дальний поход, стройными рядами выстроилась у подножия городских ворот Жунина. На каждом воине были доспехи, зловеще поблёскивавшие на солнце и источавшие леденящую ратную мощь. Стоило бросить мимолётный взгляд, и взору представляли идеально ровные полки, сплошь состоящие из отборных, закованных в прочную броню воинов. Однако при более пристальном рассмотрении оказалось, что среди новобранцев стояли не только тринадцати-четырнадцатилетние мужчины, но и множество женщин и даже седовласые старики. На их лицах не было и тени страха, лишь суровая, леденящая решимость, которая заставляла сердца трепетать от благоговения.

Сыма Се Фучэнь стоял во главе всего войска. Держа в руке чашу с вином, он громогласно воззвал:

- Воины! Дикари слишком долго терзают рубежи нашей Великой Юй, безжалостно вырезая наших сородичей и попирая наши священные горы и реки! Ныне война завязалась в мёртвую петлю, и только вы способны сберечь и отстоять земли Юй! Осушите эти чаши и истребим же до единого всех чунцзиньских разбойников под луной!

- Убить! Убить! Убить! - троекратный громовой клич сокрушительным эхом рванулся к самым небесам.

Се Фучэнь единым махом выпил вино до дна и с силой разбил чашу о землю.

Новобранцы тоже запрокинули головы, осушая свои чаши. Сделав этот последний глоток, они должны были навсегда покинуть родные края ради защиты своего очага и близких. В мыслях каждого из них сейчас роились свои мысли. Что именно ждёт их на передовой? Суждено ли им вернуться назад живыми, чтобы вновь узреть величественные стены Жунина? Обнимут ли они когда-нибудь снова свои семьи? Всё это было совершенно неизвестно. Но иного выбора у них попросту не было. Им оставалось лишь собственным телом и кровью закрыть зияющую, израненную брешь на границе Великой Юй.

Чжэнь Вэньцзюнь в тяжёлом шлеме и серебряных доспехах выглядела необычайно лихо, отважно и статно. Двигаясь в общем строю по главному тракту, она то и дело оборачивалась назад: стены Жунина становились всё меньше и меньше, а на душе у неё становилось всё тоскливее и горше.

В этот поход на северные рубежи она изначально отправлялась с твёрдым намерением умереть, готовая пойти на плаху. Однако недавние слова Вэй Тинсюй удержали её на краю пропасти, вновь пробудив в сердце отчаянное желание выжить и заставив всем существом потянуться к земным радостям.

Подобных чувств она не испытывала ещё никогда в жизни.

Пока она находилась под защитой и крылом матушки, она отродясь не задумывалась о вопросах жизни и смерти. А после того как с матушкой стряслась беда, единственным смыслом всей её жизни оставалась лишь одна-единственная цель - выволить её из плена.

И вот теперь у неё появился новый ориентир, новая священная привязанность.

Именно Вэй Тинсюй властной рукой вытянула её из бездонной пучины отчаяния, и именно её любовь стала тем ослепительным лучом света, что озарил для неё новый путь.

Жди меня, - мысленно произнесла Чжэнь Вэньцзюнь. Взирая на лазурный купол неба над Жунином и устремив взор в сторону горы Ванцзюнь, она поклялась самой себе: «Я во что бы то ни стало вернусь к тебе живой».

В этот раз войско Великой Юй насчитывало ровно тридцать тысяч душ. Самому младшему из воинов исполнилось всего одиннадцать лет, а самому старшему - шестьдесят один год. Чтобы прийти на выручку передовым отрядам, они день и ночь без сна и отдыха стремительным маршем продвигались к заставе Цяньхай. Армия Чунцзинь могла возобновить наступление сокрушительной лавиной в любую минуту, поэтому им необходимо было ловить каждую секунду, чтобы успеть занять позиции на передовой, намертво запереть этот важнейший, стратегический узел империи и не позволить врагу ни на шаг продвинуться вглубь страны. Оттого что во главе войска шёл сам Сын Неба, воины пребывали в величайшем воодушевлении.

Ли Цзюй лично ехал верхом на коне в самом авангарде колонны. Военный надзиратель без конца умолял его, твердя, что мчаться на острие армейского клина - самоубийство и Его Величеству лучше бы вернуться в глубь строя. Однако Ли Цзюй совершенно не слушал его советов и продолжал своевольничать, держась впереди всех, деля с воинами тяготы верховой езды и распивая с ними вино из одной чаши.

Спустя десять дней переходов под открытым небом император наконец тяжело слёг от недуга, и военный надзиратель даже сам не понимал то ли ему паниковать, то ли облегчённо вздохнуть.

Узнав эту весть, большинство людей в армии искренне сокрушались и пеклись о императоре, полагая, что раз Ли Цзюй, будучи истинным драконом, делит с простым человеком и горести, и радости, то это редчайшая, великая добродетель. Чжэнь Вэньцзюнь же относилась к этому с крайним презрением, считая, что он обычный глупец, который не способен безупречно разыграть даже банальную показуху. Впрочем, саму эту тактику завоевания чужих сердец Вэньцзюнь детально запечатлела в своей памяти. Она прекрасно понимала, что на полях сражений клинки не ведают пощады, война - это суровое чистилище, где каждого может постигнуть роковой исход, и в одиночку, полагаясь лишь на собственные силы, ей ни за что не выжить. Ей жизненно необходимы были соратники, готовые биться с ней плечом к плечу.

Из-за того, что Ли Цзюй подхватил жестокую простуду, войско разделилось на два отряда: основной авангард стремительным маршем двинулся дальше к заставе Цяньхай, а подле императора оставили чуть больше двух тысяч воинов, чтобы дожидаться его выздоровления и затем воссоединиться на передовой. При этом ушедший вперёд авангард был разделён по половому признаку на мужской и женский полки: мужчины шли впереди, а женщины - следом за ними. Мужской отряд налегке, во всеоружии рванулся к заставе Цяньхай, оставив абсолютно весь тяжёлый обоз женскому полку, на который целиком и полностью возложили обязанности по транспортировке грузов.

- Какая, к чёрту, война для этих девок! Вот когда мы, мужики, вырежем до единого всех варваров, вы просто придёте к нам в постель согреть наши ложа! Ха-ха-ха!

Уходя, воины мужского полка бросили им вслед эту сальную тираду, от которой Чжэнь Вэньцзюнь знатно стошнило из-за отвращения.

Ей и самой до безумия хотелось рвануться на передовую, устроить там кровавую резню и заставить этих спесивых мужиков утереть носы, взглянув на неё с благоговением. Однако бросать без присмотра обоз с провиантом было нельзя, так как эти припасы имели колоссальное значение для исхода похода, и проявлять беспечность здесь было непозволительно.

Матушка в своё время говорила: «Армия ещё не двинулась в путь, а обоз уже должен идти впереди». Припасы и амуниция - это первооснова военного триумфа, и стоит лишиться обоза, как войско неминуемо ждёт сокрушительный крах.

Она не знала, кто сейчас командует армией Юй, но, казалось, там действительно не было способных генералов, поскольку вся маршевая стратегия была довольно хаотичной. Обоз безнадежно отставал от передовых частей, что подрывало боевой дух полков. К тому же оставить пять тысяч женщин и стариков охранять и тащить припасы... Стоит врагу совершить глубокий рейд и перерезать эту артерию, что они тогда станут делать? На северных границах лютвал неистовый холод, и без тёплой одежды воины просто вымерзли бы до единого ещё до начала резни. Всё это походило на детские забавы и фарс.

Чжэнь Вэньцзюнь пребывала в дурном расположении духа, обуреваемая мрачной тревогой. Едва покинув столицу, она уже ощутила, как свинцовые тучи грядущего поражения тяжёлым грузом давят ей на сердце. Однако она понимала, что надлежит ставить во главу угла общие интересы, а потому смиренно осталась в тылу, прилагая все силы, чтобы как можно скорее дотащить обоз до заставы Цяньхай.

В миг, когда женский полк наконец добрался до Цяньхай, с неба повалили пушистые хлопья густого снега. Лютый мороз мгновенно лишил покоя и выбил всю душу из этих новобранцев, едва прибывших из тёплых южных краёв. И прямо в этот час сквозь пелену метели в лагерь вернулся отряд из тысячи с небольшим израненных, уцелевших в боях воинов. Издалека они напоминали стаю свирепых хищников, умиравших от голода на протяжении всей долгой зимы.

Чжэнь Вэньцзюнь, помешивая толстой деревянной палкой бурлящую в огромном бронзовом котле свежую пшённую кашу, внимательно слушала рассказы этих ветеранов о том, насколько дики и свирепы чунцзиньские варвары. Те уверяли, будто неприятельские воины слеплены мощностью, плечи у них как у медведей, спины как у тигров, глаза круглые, а головы как у леопардов. Они способны, стоя на бешено мчащихся скакунах, вести прицельную стрельбу, выпуская за раз по десять стрел, и каждая из этих стрел бьёт без промаха, насквозь пробивая человеческие черепа.

- Неужели они настолько жуткие? - стоявшая подле Чжэнь Вэньцзюнь девица из женского полка по имени Чжун А-Си от страха даже перестала толочь целебные травы в ступке. - Немудрено, что из ушедшего туда десятитысячного войска живыми вернулись только вы.

Стоило А-Си обронить это замечание, как целая толпа воинов с шумом и гамом уселась вокруг костра, наперебой принимаясь расписывать, какими невероятными, божественными силами наделены эти дикари. Они уверяли, будто лишь ценой нечеловеческого, смертного сопротивления им удалось свести резню к шаткой ничьей. Те же, кто был хоть каплей слабее, пали под клинками врагов до единого. А все те, кому посчастливилось вернуться живыми, на поверку являются истинными, редкими мастерами воинского дела.

Чжэнь Вэньцзюнь молча разливала им кашу по пиалам, даже не думая разоблачать этот фарс. Она прекрасно видела, что у большинства стоявших перед ней «героев» раны и стрелы пришлись аккурат в спину. Верный знак того, что увечья были получены в миг панического и позорного бегства с поля боя. Ей было просто любопытно послушать, до каких вершин эти люди способны пойти в своём бахвальстве.

Огромный котёл с кашей опустел дочиства. Стоило только перевязать раны и закончить с хваставством, как издали донёсся громкий, хлёткий приказ. Эти тёртые, выдавшие виды вояки мгновенно вскочили на ноги, в суматохе принялись поправлять свои доспехи и выстроились плотным кольцом вокруг костра. Чжэнь Вэньцзюнь, стоявшая позади толпы, по этому шуму сразу поняла, что грядёт какая-то важная, высокопоставленная особа.

Сквозь заснеженные ряды лагерных построений по центральной тропе размашистым шагом шёл мужчина, облачённый в чёрные доспехи, с серебряным шлемом, украшенным алым султаном из перьев. Он отличался суровым разлётom бровей, звёздным взором и длинной, до самой груди, бородой. И сложен он был на редкость мощно и статно. Одной рукой незнакомец упирался в рукоять покоившегося на поясе огромного палаша, а сама его походка напоминала порыв яростного, стремительного ветра.

- Генерал Вэй! - хором, во весь голос выкрикнули ратники, отчего Чжэнь Вэньцзюнь даже невольно вздрогнула от неожиданности.

Генерал Вэй?! Неужели он из семьи Вэй?

Нынешний уклад при дворе был таков, что высшая знать и знатные роды прочно удерживали за собой все ключевые посты, в то время как выходцам из бедных слоёв пробиться наверх было нечеловечески трудно. Сыновья и наследники великих кланов, как правило, продвигали и рекомендовали друг друга, образуя прочную, опутывающую всю страну сеть влияния. Это позволяло им координировать действия и выступать единым фронтом ради сдерживания враждебных группировок. Стоило услышать, что какой-то сановник носит фамилию Се, и можно было не сомневаться, что он приходится родственником Се Фучэню. Стоило узнать, что важный министр зовётся Вэем, и он гарантированно принадлежал к роду Вэй Луня. То же самое правило касалось фамилий Янь, Цзо, Линь и остальных. Прежде в этих играх весьма активно участвовал и клан Фэн, однако после дела Хун Ая их родственников вырезали чуть ли не поголовно.

Поэтому вероятность того, что этот генерал Вэй приходится Вэй Тинсюй близким родственником, была колоссальной. Вот только этот могучий, похожий на железный столб воевода внешне не имел с утончённой госпожой ни малейшего, даже мимолётного сходства.

Этот человек в действительности был Вэй Юнем, старшим сыном родного брата Вэй Луня. В

свое время, едва младшего сына Се Фучэня, Се Чанлю, лишили воинских полномочий, Вэй Юнь, бесценно охранявший границы заставы в четырёхстах ли к западу от Цяньхай, получил срочный указ: немедленно вести войска к Цяньхай, дабы сдержать яростную лавину рвущихся на юг чунцзиньцев. В тот миг под началом Вэй Юня было меньше пятнадцати тысяч гарнизонных воинов, и приказать ему совершить стремительный форсированный марш к Цяньхай ради лобового столкновения с врагом... было ли это чистой воды безумием и глупостью. Изнурённый ночными переходами отряд и без того едва держался на ногах, а чунцзиньцы славились своей беспримерной отвагой. Получив этот приказ, Вэй Юнь мысленно уже приготовился к верной смерти на поле боя.

Кто же мог знать, что Се Чанлю, пусть его и сместили с поста и лишили чинов, наотрез откажется сдавать Цяньхай врагу и вместе со своими преданными ветеранами нанесёт чунцзиньцам сокрушительный удар с тыла. Вэй Юнь воспользовался моментом, скоординировал действия, и они зажали неприятеля в тиски с двух сторон. Только благодаря этому натиску конницу Чунцзиня удалось с огромным трудом заставить отступить.

Та резня выдалась поистине страшной и кровопролитной. Вэй Юнь в бою лишился руки, а сам Се Чанлю пал смертью храбрых на поле брани, и его тела впоследствии так и не удалось отыскать.

Бок о бок с Вэй Юнем шёл военный советник Чжансунь И. На ходу они вполголоса вели спешное обсуждение, а военачальник Линь Цзянь взмахом руки велел абсолютно всем воинам немедленно стягиваться к главному шатру, расположенному в одном ли впереди, чтобы выслушать приказы верховного командующего.

Этот огромный штабной шатёр был способен вместить до тысячи человек. Сверху его защищал плотный навес, сплетённый из сухой соломы, стены были наглухо обтянуты сукном, пол устлан коврами, расставлены низкие столики-аньцзи, а вдоль стен на крюках были развешаны факельные жаровни.

Простые мелкие соратники и новобранцы, вроде Чжэнь Вэньцзюнь, не имели права переступать порог верховного штаба. Им оставалось лишь толпиться снаружи и, приподнимаясь на цыпочки, с любопытством заглядывать внутрь сквозь щели в сукне.

Первым слово взял Чжансунь И, без прикрас и со всей суровостью изложив воинам истинное положение дел на заставе Цяньхай.

Прошлой ночью чунцзиньская армия совершила внезапный, вероломный налёт на заставу. Войска Великой Юй оказали яростное, отчаянное сопротивление, однако в финале всё же потерпели сокрушительное поражение. К настоящему моменту ключевой горный проход полностью захвачен и удерживается силами Чунцзиня. Ситуация на фронте сложилась критическая и смертельно опасная, нельзя позволить врагам нащупать брешь и продолжить продвигать линию фронта дальше на юг. Им во что бы то ни стало необходимо отыскать уязвимое место в обороне неприятеля и сокрушительным ударом вернуть контроль над горной заставой. Отныне будь то мужчина или женщина, старик или отрок, доводилось ли вам прежде бывать в сечах или нет, если вы хотите сохранить свои жизни здесь, на передовой, вы обязаны беспрекословно и слепо подчиняться приказам командования.

Вэй Юнь сделал шаг вперёд. И хотя он находился в глубине главного шатра, стоило ему открыть рот, как его зычный, подобный колокольному звону голос пронзил леденящую ночную тьму. Каждое его слово отчётливо долетало до слуха стоявших снаружи людей, так что даже женский полк, замерший на самом краю толпы, расслышал всё до единого звука.

- У нас нет времени на передышку! Прямо этой ночью мы пойдём на штурм! - голос Вэй Юня со свистом разрезал морозный воздух, а от его сиплых, но мощных интонаций у каждого ратника заложило уши. - Это наш единственный и неповторимый шанс! Чунцзиньские твари ни за что не догадаются, что мы, только что потерпев сокрушительное поражение, осмелимся сразу же ринуться в контратаку! Да! Мы ударим именно тогда, когда они меньше всего этого ждут! Это безумный риск! Это игра, где ставкой служат наши собственные жизни! Но иного пути у нас нет! Стоит врагу окончательно сломать Цяньхай, и каждый из вас прекрасно знает, какая горькая участь постигнет Великую Юй!

Наших престарелых отцов и матерей заживо пустят под нож! Наших жён и малых детей станут топтать и резать, словно беззащитный скот! Неужели вы покорно согласитесь созерцать эти ужасы?! Неужели вы желаете стать безвольными рабами уничтоженного государства?! Если нет, то обнажайте клинки, берите копья и вслед за моим палахом рвитесь на передовую! Вернём нашу заставу!

Всего несколько фраз Вэй Юня мгновенно зажгли сердца новобранцев, заставив их кровь бешено закипеть в жилах.

И внутри шатра, и далеко за его пределами громовой клич «Убить!» разорвал ночные небеса.

Чжэнь Вэньцзюнь так нигде и не заметила Ли Цзюя, должно быть, его недуг ещё не отступил. Она наивно полагала, что раз они только-только прибыли на северный фронт, этих стариков, женщин и подростков для начала хотя бы пару дней поучат правильно держать оружие, и лишь затем отправят на резню. Кто же мог знать, что лобовой штурм назначен уже на эту ночь!

Сердце Вэньцзюнь бешено колотилось в груди, её одновременно обуревал дикий азарт и пронизывающий страх. Доспехи-то на ней были, а вот подходящего, верного оружия под рукой не имелось. Клинок «Золотая Цикада» и скрытые кинжалы хороши для тайных расправ, но для открытой фронтовой рубки они не годились.

И в тот самый миг, когда она уже начала сокрушаться, неужели женский полк опять оставят в тылу сторожить мешки с зерном, Вэй Юнь приказал интендантам начать выдачу боевого оружия новобранцам. Чжэнь Вэньцзюнь досталось длинное копье, уже наполовину покрытое ржавчиной. Его наконечник накренился набок и был сплошь испещрён глубокими трещинами, а когда-то алый султан из перьев от грязи и запёкшейся крови стал иссиня-чёрным. Она была без понятия, из какой могильной кучи это оружие вытащили на свет.

Вэй Юнь размашистым шагом поднялся на деревянный помост, где высилось главное знамя лагеря. Возвышаясь надо всеми и в отвесах факельных жаровен проступая суровым силуэтом, он замер так, чтобы каждый воин мог видеть его лицо.

- Будь вы мужчины или женщины, кем бы вы ни числились до сегодняшнего дня, мне важно лишь одно: чтобы завтра с первыми лучами утреннего солнца вы проснулись героями, сокрушившими варваров! Эту чашу вина я поднимаю за всех вас! - договорив, Вэй Юнь запрокинул голову, осушил кубок до капли и с силой разбил его о землю.

Чжэнь Вэньцзюнь тоже вручили пиалу с вином. Стоило ей сделать глоток, как по всему её телу разлилось живительное тепло, а в груди заклокотала яростная, благородная отвага! Крепко сжав в пальцах ржавое древко копья, она мысленно поклялась: Я во что бы то ни стало самолично прикончу этих лютых дикарей и отомщу за каждую безвинную душу воинов и простого люда Великой Юй, что полегли от их рук!

Военачальник Линь Цзянь поднялся на помост и встал прямо за спиной Вэй Юня.

Командующий слегка наклонил голову, собираясь выслушать его доклад о передвижении войск. Линь Цзянь не произнёс ни слова. Вместо этого он молниеносно выхватил спрятанный клинок и единым хлестким движением начисто перерезал Вэй Юню горло.

В свете костра Вэй Юнь не успел издать даже мимолётного хрипа: зажав руками фонтанирующую багровой кровью шею, он рухнул на доски помоста в предсмертных судорогах. Абсолютно все воины на площади стали свидетелями этого жуткого злодеяния, и на долю секунды толпа оцепенела, не в силах поверить своим глазам. Залитый чужой кровью Линь Цзянь разразился безумным, торжествующим хохотом, а советник Чжансунь И, указывая на предателя дрожащим пальцем, истошно закричал:

- Взять его!

Очевидно, Чжансунь И и сам не ожидал подобного катастрофического предательства в собственном штабе. Но стоило воинам вскинуть копья, намереваясь ринуться на помост и изрубить изменника на куски, как вдруг с внешних рубежей лагеря донёсся сокрушительный, бьющий в самое небо грохот тысяч конских копыт и дикие, победные вопли неприятеля!

Ветераны, которые ещё вчера с трудом вырвались живыми из фронтового пекла, едва услышав этот страшный, знакомый гул, побледнели как полотно и в панике закричали, теряя человеческий голос:

- Варвары! Варвары идут! Ху прорвали оборону!

Это была самая первая ночь, которую Чжэнь Вэньцзюнь провела на передовой северного фронта, и этой ночи ей не суждено было позабыть до самого смертного часа.

Железная конница Чунцзиня неудержимой лавиной ворвалась прямо в дезорганизованный лагерь войск Великой Юй, устраивая беспощадную, тотальную резню и не оставляя от защитников и мокрого места. Воины в ужасе швыряли оружие, срывали доспехи и в панике бежали куда глаза глядят, и вся та благородная отвага, что только что зажглась в их сердцах, бесследно испарилась в пух и прах.

Это была война.

И только теперь, обхватив голову руками и в полном беспмятстве петляя среди трупов и свистящих стрел в попытках спасти свою жизнь, Чжэнь Вэньцзюнь по-настоящему, всем существом уяснила, что это не стратегическая игра на шёлковых свитках госпожи, это не благородные повести, что когда-то рассказывала ей матушка. Это была кровавая бойня, где человеческая жизнь стоила меньше пыли, и где смерть могла оборвать твой путь в любую долю секунды.

<http://bllate.org/book/17227/1725315>